

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 36**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 36 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 426 с.

ISBN 978-5-458-04685-5

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04685-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Нѣсколько словъ о философско-историческихъ воззрѣніяхъ Грановскаго.

Грановскій и его время. Соч. Вѣтринскаго (Чешихина).

Въ послѣднее время имя Грановскаго вновь привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе. О немъ читаютъ лекціи, пишутъ статьи; выходятъ даже цѣлыя книги, посвященныя разбору его характера, дѣятельности и общественнаго значенія. На дняхъ изданное собраніе его писемъ пришлось какъ нельзя болѣе кстати этому пробужденію сочувствія, которое составляетъ отрадное явленіе на уныломъ полѣ русской литературы. Оно свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ поворотѣ общественной мысли, о стремленіи выйти изъ господствующихъ въ ней одностороннихъ и крайнихъ направленій, изъ мутнаго потока реалистической пропаганды, изъ необоснованныхъ утвержденій экономическаго матеріализма, а съ другой стороны, изъ пошлаго реакціоннаго подобострастія, которое подъ знаменемъ патріотизма возводитъ въ идеаль древнерусское холопство. Свѣтлый образъ Грановскаго, чуждаго всякой односторонности, умѣвшаго соединять живое сочувствіе къ Западу и его жизни съ пламенною любовью къ Россіи и яснымъ сознаніемъ ея потребностей, представляетъ гармоническое сочетаніе лучшихъ сторонъ русской мысли и русскаго характера. Въ окружающей насъ удушливой атмосферѣ, которая такъ мало представляетъ пищи для ума и сердца, взоръ мыслящаго русскаго человѣка невольно об-

рашается къ возвышеннымъ явленіямъ прошлаго, стараясь почерпнуть въ нихъ надежду на лучшее будущее. Среди этихъ явленій Грановскій занимаетъ видное мѣсто. Память о немъ непрерывнымъ преданіемъ сохранилась и въ стѣнахъ Московскаго Университета и среди многочисленныхъ его слушателей, разсѣявшихся по русской землѣ и передавшихъ новымъ поколѣніямъ благородныя черты преподавателя. Въ Грановскомъ понынѣ видятъ идеальнаго представителя людей сороковыхъ годовъ. Его стараются изучить въ назиданіе современникамъ.

Понятно, однако, что при нынѣшнемъ смутномъ состояніи общественной мысли, оцѣнка этого замѣчательнаго дѣятеля далеко не всегда можетъ быть вѣрна. Даже при самомъ искреннемъ желаніи отдать ему должную справедливость, многое въ немъ остается непонятнымъ для людей, погруженныхъ въ совершенно иную умственную среду. Примѣръ тому представляетъ книга, которой заглавіе написано выше. Авторъ ея не только съ полною добросовѣстностью, но съ сочувствіемъ и любовью отнесся къ своему предмету; онъ старался воспользоваться всѣмъ доступнымъ ему матеріаломъ, изучить Грановскаго со всѣхъ сторонъ и возможно безпристрастно оцѣнить его съ точки зрѣнія современности. Но именно эта точка зрѣнія до такой степени узка и одностороння, что настоящаго пониманія она не даетъ. Чѣмъ добросовѣстнѣе изслѣдованіе, тѣмъ болѣе оно налагаетъ на людей, близко стоявшихъ къ Грановскому, обязанность возстановить истинное его значеніе.

Главный недостатокъ автора состоитъ въ томъ, что онъ совершенно не проявилъ въ упомянутой книгѣ философскаго образованія, а безъ этого нѣтъ возможности правильно оцѣнить ту умственную атмосферу, изъ которой вышелъ Грановскій, и которая наложила печать на всю его дѣятельность. Грановскій учился въ Берлинѣ и началъ дѣйствовать въ Россіи въ то время, когда философская мысль стояла на вершинѣ своего развитія. Философскіе вопросы болѣе всего занимали умы и возбуждали нескончаемые споры. Система

Гегеля въ особенности находила фанатическихъ приверженцевъ и горячихъ противниковъ. Въ Россіи, при тогдашнихъ цензурныхъ стѣсненіяхъ, при невозможности высказываться печатно, споры изъ литературы переходили въ гостинныя, въ дружескіе кружки, которые черезъ это получили необыкновенное оживленіе. „Сколько жизни, ума и сердца было въ нашихъ сходкахъ,—пишетъ позднѣе Грановскій,—а теперь что?“ Это было какъ бы упоеніе мысли, носившееся всюду. Самымъ выдающимся представителемъ этого философскаго направленія въ Россіи былъ человѣкъ, который ничего не писалъ, но дѣйствовалъ своимъ словомъ и обаяніемъ своей личности—Николай Станкевичъ. Изъ его кружка вышли Бѣлинскій, Бакунинъ, Боткинъ; отъ него получили умственный толчокъ Герценъ и Огаревъ. Грановскій самъ не былъ философомъ; его живой натурѣ чужды были всякія систематическія построенія. Но серьезное изученіе философіи дало ему ту ширину мысли, ту возвышенность взглядовъ, безъ которыхъ нѣтъ истиннаго пониманія исторіи. Только человѣкъ, получившій серьезное философское образованіе, способенъ оцѣнить идеи, руководящія историческимъ развитіемъ человѣчества, постигнуть ихъ преимущество и связь, а равно ихъ значеніе для общественной жизни. Самое понятіе о развитіи только при этомъ свѣтѣ получаетъ истинный свой смыслъ. Исторія перестаетъ быть случайною игрою событій или фаталистическимъ произведеніемъ механическихъ силъ; она становится раскрытіемъ человѣческаго духа во всей его многосторонности и глубинѣ.

Все это для автора новѣйшаго сочиненія о Грановскомъ остается закрытою книгой. Ему философія представляется какимъ-то бесплоднымъ витаніемъ въ облакахъ. Въ Станкевичѣ, который имѣлъ такое огромное вліяніе на Грановскаго, онъ видитъ только благодушнаго мечтателя. Онъ приводитъ и подчеркиваетъ въ одномъ изъ его писемъ къ Грановскому фразу, въ которой Станкевичъ говоритъ своему другу, что пока послѣдній не успѣлъ еще связать исторію мыслью, пускай онъ смотритъ на нее какъ на поэтиче-

скую картину лицъ и событій. Это письмо относится къ первой порѣ занятій Грановскаго исторіей и какъ предварительный способъ возбужденія интереса, такая точка зрѣнія понятна; но авторъ видитъ въ этомъ нѣчто такое, что наложило печать на всѣ послѣдующія воззрѣнія Грановскаго. Между тѣмъ, изъ приведеннаго самимъ авторомъ нѣсколько позднѣйшаго письма Грановскаго къ Станкевичу можно убѣдиться, что первый отнюдь не смотрѣлъ на исторію просто какъ на поэтическую картину. Онъ пишетъ Станкевичу, что въ исторіи его почти исключительно занимаетъ развитіе учреждений. Въ этомъ, очевидно, поэтическаго весьма мало. Но подъ вліяніемъ высоко-художественной натуры Грановскаго этотъ сухой остовъ облекался у него въ плоть и кровь. И учрежденія, и идеи являлись у него живыми и дѣйствующими, воплощенными въ лицахъ и событіяхъ, которыя яркими красками изображались передъ слушателями. Въ этомъ состояла одна изъ самыхъ привлекательныхъ сторонъ историческаго таланта Грановскаго.

Увлекаясь фантазіей о мечтательныхъ стремленіяхъ тогдашнихъ дѣятелей, авторъ упрекаетъ ихъ даже въ платоническомъ отношеніи къ крѣпостному состоянію; какъ будто въ тѣ времена можно было относиться къ крѣпостному состоянію иначе какъ платонически! Ни Станкевичъ, ни Грановскій, по своему семейному и имущественному положенію, сами крестьянами не владѣли. Получивъ имѣніе по смерти отца, Грановскій принужденъ былъ тотчасъ его продать. Въ литературѣ объ этомъ вопросѣ нельзя было заикнуться ни единымъ словомъ. Да и въ частной жизни освобожденіе крестьянъ благотѣльными помѣщиками могло вести только къ ухудшенію ихъ положенія. вмѣсто справедливаго управленія и защиты гуманнаго владѣльца, они отдавались на жертву алчности мелкаго чиновничества. Чтобы провести освобожденіе крестьянъ, нужна была общая государственная мѣра, нужно было и переустройство всей администраціи. Это и было дѣломъ великаго царствованія Александра II-го. Но до этого Грановскому не довелось дожить.

Тотъ же недостатокъ пониманія обнаруживается и въ оцѣнкѣ Грановскаго, какъ мыслителя и научнаго дѣятеля. Многие, близко стоявшіе къ знаменитому профессору, а равно и писавшіе о немъ, считают *чуждость* отличительною чертой его историческаго міросозерцанія. Авторъ находитъ это начало „расплывчатымъ и неопредѣленнымъ“; онъ посылаетъ упрекъ біографу Грановскаго, А. В. Станкевичу въ томъ, что онъ очень неумѣренно восхваляетъ послѣдняго за это качество. Между тѣмъ, біографъ Грановскаго вовсе его не восхваляетъ, а просто констатируетъ фактъ, который самъ авторъ признаетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего сочиненія (стр. 110, 115, 193, 195). И точно, нельзя инымъ словомъ обозначить то глубокое и всеобъемлющее сочувствіе ко всѣмъ сторонамъ и явленіямъ человѣческаго духа, которое характеризуетъ историческія воззрѣнія Грановскаго. Онъ къ прошлому относился не съ голымъ отрицаніемъ, а съ пониманіемъ и сочувствіемъ. Но именно это авторъ ставитъ ему въ укоръ. Для объясненія этого непонятнаго ему явленія онъ изобрѣлъ даже никому невѣдомую *пассивность*, составлявшую, по его мнѣнію, отличительное свойство Грановскаго. Въ живомъ, общительномъ, одержимомъ потребностью дѣятельности и вліянія характерѣ Грановскаго, въ его возвышенномъ и всестороннемъ пониманіи вещей, доселѣ никто, ни знавшіе его лично, ни писавшіе о немъ, не замѣчали ни малѣйшаго признака пассивности. Этою чертой авторъ старается объяснить, почему Грановскій сохранялъ уваженіе къ преданіямъ. Онъ видитъ въ этомъ отчасти вліяніе матери, а также жены, которую онъ почему-то считаетъ нѣмецкою піэтисткой, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности въ ней не было даже и тѣни піэтизма. Поводъ къ недоразумѣнію могло подать то, что Грановскій, будучи женихомъ, пишетъ своей невѣстѣ, что она пробудила въ немъ давно дремавшія религіозныя чувства. Но это вовсе не значитъ, что семнадцатилѣтняя робкая дѣвушка могла своимъ піэтизмомъ вліять на зрѣлаго и образованнаго мужчину; это значитъ, что когда человѣкъ чув-

ствуешь полноту счастья, въ душѣ его невольно пробуждаются тѣ глубочайшія стремленія, которыя связываютъ его съ верховнымъ источникомъ всякой жизни и всякаго блага. Глубина и возвышенность характера Грановскаго состояли именно въ томъ, что эти стремленія не были ему чужды. Это и дѣлало его способнымъ быть историкомъ, для котораго первое условіе состоитъ въ сочувственномъ пониманіи всѣхъ сторонъ человѣческаго духа и въ особенности тѣхъ, которыя въ историческомъ процессѣ играютъ такую выдающуюся роль, какъ религія. Только при этомъ условіи возможно пониманіе всемірно-историческаго значенія христіанства, котораго появленіе составляетъ поворотную точку въ развитіи человѣчества. Такое сочувственное отношеніе къ прошлому не только даетъ настоящую оцѣнку историческихъ дѣятелей и событій, но раскрываетъ самый смыслъ историческаго развитія. Последнее существуетъ только тамъ, гдѣ вырабатывается положительное содержаніе, передаваемое отъ поколѣнія къ поколѣнію; при чисто отрицательномъ взглядѣ на прошлое историческій процессъ теряетъ всякій смыслъ. Авторъ мнимо пассивному отношенію Грановскаго къ завѣщаннымъ вѣками преданіямъ противопоставляетъ рѣзко отрицательное отношеніе къ нимъ Герцена. Но именно поэтому Герценъ не могъ быть историкомъ. Съ своею подвижной, односторонней, огненной натурой онъ, по силѣ таланта, могъ быть замѣчательнымъ памфлетистомъ; но чисто отрицательное отношеніе ко всѣмъ явленіямъ прошедшей и современной жизни, не подходившимъ подъ его мѣрку, составляло самую слабую сторону всей его дѣятельности и подрывало ея значеніе.

На этой почвѣ произошла и извѣстная размолвка между нимъ и Грановскимъ. Авторъ видитъ въ этомъ нѣкоторую непослѣдовательность со стороны Грановскаго, который будто бы не обладалъ достаточною силой мысли, чтобы идти за логическими выводами своего друга. Герценъ, по мнѣнію автора, смѣло шелъ впередъ по проложенному пути, а слѣдовавшіе за нимъ писатели шестидесятыхъ годовъ

пошли еще далѣе; Грановскій же, вслѣдствіе пассивности своей натуры, остановился на полудорогѣ; ему жаль было совершенно разстаться съ прошлымъ. Вслѣдствіе этого авторъ полагаетъ, что въ 1845 году Грановскій достигъ высшей точки своей дѣятельности и своего вліянія. Далѣе отъ него нечего было ожидать; жизнь отъ него ушла, и онъ умеръ въ-время.

Въ дѣйствительности, послѣдовательность Герцена была только односторонностью, а послѣдовательность позднѣйшихъ писателей была та же односторонность, доведенная до уродливой крайности. Извѣстно, что школа Гегеля послѣ его смерти распалась на двѣ отрасли: правую и лѣвую. Первая сохраняла неприкосновенными основныя начала гегелизма и затѣмъ постепенно перешла въ новое направленіе, придававшее большее значеніе нравственному существу личности, которая у Гегеля была только орудіемъ общаго процесса. Лѣвая же отрасль, подъ вліяніемъ Фейербаха, скоро перешла къ матеріализму. Но для того, чтобы сдѣлать этотъ переходъ, нужно было не послѣдовательно развивать начала, положенныя Гегелемъ, а совершенно отъ нихъ отречься, сдѣлать умственный скачокъ, отвергнувъ всякія метафизическія построенія и ставъ на почву чистаго реализма. Герценъ послѣдовалъ въ этомъ направленіи за нѣмецкими, весьма впрочемъ не высокаго качества мыслителями, которые пролагали уклонившійся отъ Гегеля путь. То же сдѣлалъ и Бакунинъ и, наконецъ, Бѣлинскій въ послѣдніе годы своей жизни. Но всякое одностороннее направленіе окончательно само себя обличаетъ. На почвѣ матеріалистическаго реализма нѣтъ ни пониманія исторіи, ни нравственныхъ началъ, ни даже признанія человѣческой свободы, которая отрицается во имя всеобщаго детерминизма. Тѣ, которые, какъ Герценъ, хотятъ, при такомъ воззрѣніи, сохранить нравственность и свободу, впадаютъ въ неразрѣшимую сѣть противорѣчій. Однако и Герценъ, и Бѣлинскій все-таки вышли изъ философской школы, а потому понимали потребности мысли и стояли на извѣстной высотѣ. Бѣлинскаго спа-

сало живое эстетическое чувство; Герценъ самъ былъ художникъ. Позднѣйшіе же писатели этого направленія, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ и другіе, не имѣли уже никакой философской школы. Имъ равно чужды были и философія, и эстетика, и даже всякое серьезное знаніе, а потому это направленіе проявилось у нихъ во всей своей уродливой крайности. Для нихъ всѣ вопросы упростились, ибо нѣтъ ничего проще голаго отрицанія, основаннаго на невѣжествѣ. Только знаніе указываетъ человѣку, что все не такъ просто, какъ кажется. Однако и чистые отрицатели не обходятся безъ нѣкоторыхъ положительныхъ началъ; но они избираютъ такіа, которыя не требуютъ ни знанія, ни умственной работы. Создаются разныя фантазіи о будущемъ блаженствѣ человѣческаго рода, которыя, не имѣя никакой практической почвы, представляютъ только чистый бредъ воображенія. Этимъ привлекаются незрѣлые умы ничему не учившейся молодости. Въ новѣйшее время все это завершается теоріей экономическаго матеріализма. Хозяйство, которое служить человѣку не болѣе какъ средствомъ, представляется основою всего историческаго процесса. Съ помощью доведенныхъ до полнаго безсмыслия обрывковъ гегелевской діалектики, ему придается какое-то механическое движеніе, которымъ фаталистически опредѣляется весь ходъ человѣческой исторіи. О высшихъ потребностяхъ духа, объ идеяхъ, которыя проявляются въ исторіи, о значеніи и роли высокихъ историческихъ личностей, конечно, нѣтъ болѣе рѣчи. Все подчиняется безсмысленной механикѣ, которая сама двигается неизвѣстно чѣмъ. Таковъ послѣдній результатъ этого направленія.

Грановскій съ горечью отвернулся бы отъ этихъ при-
скорбныхъ явленій. Съ его возвышенной точки зрѣнія, съ тѣмъ нравственнымъ чувствомъ, которое постоянно его во-
одушевляло, онъ всего менѣе могъ допустить подчиненіе
исторіи чисто-механическимъ процессамъ. Не ограничен-
ность ума, а всесторонность и широта мысли не позволяли
ему слѣдовать за Герценомъ по тому пути, на который тотъ

хотѣлъ его увлечь. Изучая исторію не съ точки зрѣнія отвлеченной логической схемы, а въ ея дѣйствительныхъ явленіяхъ, онъ далекъ былъ и отъ крайностей чисто-гегельянской школы. Онъ крѣпко стоялъ за значеніе и права личности, которая у Гегеля служила только орудіемъ общаго процесса. Именно это всестороннее пониманіе жизни въ ея конкретныхъ явленіяхъ дѣлало его истиннымъ историкомъ, соединявшимъ философское образованіе съ обширною ученостію, свѣтлый взглядъ на лица и событія съ способностью представлять ихъ въ художественныхъ образахъ.

Поэтому, высоко цѣня талантъ Герцена, любя его увлекающуюся, но благородную душу, онъ не могъ раздѣлять его взглядовъ на общественные вопросы. Откуда авторъ взялъ, что Грановскій сочувствовалъ воззрѣніямъ Герцена на русскую общину, намъ совершенно неизвѣстно. Взглядъ свой на общину, какъ на историческое явленіе, Грановскій изложилъ въ статьѣ, напечатанной въ сборникѣ Калачова, на которую авторъ разбираемой книги не обратилъ никакого вниманія. Изслѣдованія о русской общинѣ, которыми, на основаніи неопровержимыхъ фактовъ, доказано, что это вовсе не есть исконное и своеобразное явленіе русской жизни и даже не остатокъ первобытныхъ учрежденій, а чистый плодъ крѣпостного права и правительственныхъ распоряженій, появились уже послѣ смерти Грановскаго. Стоя на почвѣ социализма, Герценъ сочувственно относился къ славянофильскимъ мечтаніямъ, въ которыхъ онъ видѣлъ подтвержденіе своихъ собственныхъ фантазій; но какъ относился къ этому Грановскій, видно изъ приведеннаго самимъ авторомъ письма, въ которомъ онъ говоритъ, что Герценъ и Погодинъ говорить изъ двухъ разныхъ лагерей, а выходитъ одинъ и тотъ же вздоръ. Какъ историкъ, Грановскій трезво смотрѣлъ на явленія общественной жизни; онъ изучалъ ихъ въ ихъ преемственной связи и менѣе всего способенъ былъ увлекаться фантазіями. Отсюда его вражда къ славянофиламъ, которая не только не умалялась съ годами, а напротивъ росла при видѣ того вреда, который

приносить легкомысленныя построенія, способныя одинаково служить опорой и соціалистической пропагандѣ и самому грубому деспотизму.

Съ точки зрѣнія историка Грановскій относился и къ естественнымъ наукамъ. Авторъ упрекаетъ его въ томъ, что онъ не понималъ ихъ научнаго и воспитательнаго значенія. Онъ говоритъ даже, что Писаревъ *вышутилъ* бы его за его взгляды на естественныя науки. Что невѣжество имѣть привычку глумиться надъ знаніемъ и мыслью, это достаточно извѣстно; но вопросъ этимъ не рѣшается. По существу же, Грановскій былъ болѣе чѣмъ правъ. Съ какимъ уваженіемъ онъ смотрѣлъ на естественныя науки, это можно видѣть изъ его университетской рѣчи, на которую авторъ почему-то не обратилъ никакого вниманія, между тѣмъ какъ при характеристикѣ воззрѣній Грановскаго и въ особенности его отношенія къ естественнымъ наукамъ нельзя было ее обойти. Грановскій видѣлъ въ естественныхъ наукахъ вспомогательное средство для исторіи, и если его можно въ чемъ-нибудь упрекнуть, такъ развѣ въ томъ, что онъ ожидалъ отъ нихъ слишкомъ многого для своей науки. Въ дѣйствительности, изумительные успѣхи естествознанія въ новѣйшее время ровно ничего не дали для исторіи. И это понятно, ибо область ея совершенно другая. Можно сдѣлать самыя удивительныя открытія въ физикѣ, изслѣдовать дѣйствіе невидимыхъ лучей, опредѣлить вещества, находящіяся на неподвижныхъ звѣздахъ, раскрыть цѣлый невѣдомый доселѣ міръ микробовъ съ его громаднымъ вліяніемъ на человѣческій организмъ,—отъ всего этого къ исторіи не прибавится ничего. Самые методы и способы изслѣдованія тутъ совершенно иные. Къ исторіи неприменимы ни математика, ни опытные изысканія. Предметомъ исторіи являются не механическія движенія природы, а сознательныя и цѣлесообразныя дѣйствія человека, руководящія имъ идеи, которыхъ оцѣнка требуетъ неизвѣстныхъ естествоиспытателямъ умственныхъ приѣмовъ. Одностороннее занятіе естественными науками можетъ даже